Бой Ильи Муромца с сыном (2)

А во да́лечи, дале́че во чисто́м поли
Там ведь стоял-то шатер белой поло́тьняной;
Да во том во шатру новом поло́тьняном
Было-жило пять могуциих бога́тырей:
Шьто перво́й-от бога́тырь Ва́нюшко, боярской сын,
Да второй-от Ванька, енеральской сын,
Да трете́й-от Олешенька, поповьской сын,
Да четвертой Добрынюшка Никитиць млад,
Ишше пятой-от — старая старыньшина,
Ишше старая старыньшина Илья Муромець,
Илья Муромець был, да свет-Ивановиць.
Пробужаитце Илья да от крепко́го сну;
Он свежо́й водой ключе́вой умываитце,
Тонким белым полотеньцом утираитце,
Он ведь молитце всё спасу пречистому
Да царици небесной богородици;
Ён выходит на широ́ку светлу улицю,
Он берет свою трубочку подзорную,
Он ведь смотрит на цётыре во вси стороны:
Шьто во да́лечи, дале́че во чисто́м поли
Там ведь ездит бога́тырь по чисту́ полю,
Ишше ездит по чисту́ полю, полякуёт;
Он ведь ме́цёт всё палицю тяжелую,
Он ведь ме́цёт-то палицю сорока пудов,
Он берет-то едной рукой, с коня нейдет,
Не станови́т он своёго коня доброго;
На кони-то сидит, будто сильнёй бугор.
Ишше тут-то Илья Муромец приужа́хнулся,
Приужахнулся, со страху прироздумался:
— Мне кого бы послать-то во чисто́ полё,
Во чисто́ полё послать мне, попроведати?
Мне послать ведь разве Ва́нюшу боярского, —
Непростых-то родо́в, — роду боярского;
Утеряёт в ци́стом по́ли буйну голову.
Мне послать ведь разве Ваньку енеральского, —

Енеральцького роду пришел, нежного,
Утеряет-то в чистом по́ли буйну голову;
Да послать разве Олёшеньку Поповиця;
Он ведь роду как всё поповського, —
Потеряет в чистом по́ли буйну голову;
Мне послать разве всё брателка крестового,
Как того ли Добрынюшку Никитича.

Услыхает Добрынюшка таковы реци;
Он ведь скоро выходит из бела́ шатра,
Он ведь скоро седлат-то своёго коня доброго,
Он седлат, всё убират коня богатырьского;
Он двенадцеть шолко́выих упружинок засте́гиват;
Ише сам он коню да приговариват:
— Уж ты, шолк, всё не рвись, да ты, убор, не гнись!
Що не ради красы, да ради крепости,
Ради силы своей да богатырския.
Как поехал Добрынюшка во чисто́ полё,
Не наехал бога́тыря в чисто́м поли́,
Он поехал Добрынюшка поближе ко синю́ морю
И увидал бога́тыря всё присильнёго;
Он скрыцял ведь бога́тыря во всю голову:
— Ты постой-ко, бога́тырь, сам ты мне скажись,
Ты скажись-ко мне, богатырь ты могуцёй жа;
Подъезжай ко мне поближе, мы как съедемсе.
Как услышал бога́тырь таку похвальбу,
Поворачивал своёго коня доброго;
Как зары́снула у коничка права́ нога, —
Мать сыра-то земля да потрясаласе,
Ише синёё море зволновалосе,
Из озер, из рек вода да поливаласе.
Ишше тут ведь Добрынюшка испугаитце,
Подломились у Добрынюшки ножки резвыя,
Приупали у Добрынюшки руцьки белыя,
Приудрогло у Добрынюшки ретиво́ серцо́,
Помутились у его-то оци ясныя,
Прокатились у ёго жо горюци́ слёзы:
— Уж я скольки по цисту́ полю не езживал, —
Уж я эдакого бога́тыря не видывал.
Поворацивал Добрынюшка добра́ коня

Ко своёму-то он да ко белу́ шатру,
Ён поехал-то всё проць ко белу шатру.
Как стрецят-то старыньшина Илья Муромець;
Недосуг Ильи коня учасывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцеть шелко́вых опру́жинок засте́гивать,
Ище сам говорит да таковы реци:
— Ище мне-ка во чисто́м по́ли смерть не писана;
Я поеду с бога́тырем побра́таюсь,
Я поеду с могуцим поздороваюсь.
Приезжает Илья да во чисто́ полё,
Он наехал бога́тыря в чисто́м поли́;
А богатырь-то ездит, забавляитце
Он как детскима-боярскима забавами;
Ишше сам-то он палици приговариват:
— Приклоню-ту свою палицу тяжолую,
Приклоню-ту я тибя прямо на красён Киев-град,
Как на матушку тибя, да каменну́ Москву.
Ишше те слова ведь старой ведь старыньшины
За беду-то ёму стали за великую,
Приезжаёт к бога́тырю близехонько.
Он ударил своей-то ведь палицей тяжолою,
Он ударил бога́тырю по буйно́й головы,
Как бога́тырь сидит, сидит не думаёт,
Он не думаёт сидит-то, сам не обёрнитце,
Не обёрнитце сидит, да не згле́нёт же,
Ишше тут ведь Илья да призадумалсе:
— Разве силушка у мня уж не по-прежному,
Не по-прежному сила, не по-старому?
Он отъехал всё за́ вёрсту за мерную,
Он нашел в поли́ горюцёй серой камешок,
Он ударил по ка́мешку палицей тяжелою, —
Разлетелся-то камень на мелки́ куски.
Подъезжат опять к богатырю во второй након,
Он ударил его по буйно́й головы;
Ай бога́тырь-то сидит, всё не думаёт,
Ище тут опять Илья да отъезжает прочь;
Он ударил ведь в камень во второй након, —
Разлетелсе ведь ка́мешок в мелки́ куски.
Приезжает к бога́тырю во трете́й након,

Он ударил-то палицей по буйно́й головы;
Да тогда-то бога́тырь усмехнулся-то.
Тут не лютоё зе́льё разгорелосе,
Богатырьско-то серцё роскипелосе;
Говорит-то Илья Муромець таковы́ слова:
— Уж ты гой еси, бога́тырь ты могуцёй же!
Уж мы съедемсе с тобой разве, ударимсе.
Они съехались с им да всё ударились;
Востры сабельки у их да поломалисе,
Востры копьиця у их всё потупилисе
Всё от ихных же лат да богатырьскиих,
Ишше стали они да рукопашкою;
Ишше ма́стёр Илья-то да был боротисе,
Подкорю́цил бога́тыря правой ножоцькой,
Ище пал-то бога́тырь на сыру́ землю,
Мать сыра земля-то потрясаласе.
Он ведь хочёт пороть да груди белыя;
Ище сам он Илья-то ведь Муромец пороздумалсе:
— Я спрошу ведь у бога́тыря, росспрошу про то,
Уж ты гой еси, дороднёй ты доброй молодець!
Тебе много ли от роду-ту тебе есь годов?
— А годов-то мне от роду-ту всё двенадцать лет.
— Ты ведь цьей же земли да цьёго города,
Ты цьёго же отця, ездишь, да цьей матушки?
Говорит-то дороднёй-от доброй молодець:
— Кабы сидел-то я у тебя да на белы́х грудях,
Не спросил бы я у тебя не роду, не племени,
Не спросил бы не города, отця-матушки, —
Я колол бы твои-ти да всё белы́ груди,
Посмотрял бы твоё-то ретиво́ серцо́.
Говорит-то Илья Муромець во второй након,
Говорит-то ёму да во трете́й након:
— Уж ты цьей же земли да цьего города,
Ты какого отця, какой матушки?
Говорит-то дородней доброй молодець:
— Уж я города всё ведь я неверного,
Уж я сын-то Маринки всё Кайдаловки,
Да котора живет во земли неверныя,
Получаёт она пошлину великую

Как с того ли со князя-то со Владимира
Шьто за ти ли за черны-ти его ка́рабли;
А меня она послала всё на святую Русь,
На святую меня Русь-ту, всё в каменну́ Москву
Отыскать тибя, старого, седатого;
Не дошод, она велела, всё низко кланитьце,
Называть тибя велела всё ро́дным батюшком.
Да дала она перстень на праву́ руку́.
Как увидял-то старая стариньшина,
Он ведь свой ведь увидел всё именной перстень
Он со той ли со ’ставоцькой драгоценною,
Он ведь брал-то его да за праву́ руку,
Целовал он его в уста саха́рныя:
— Как мое ты, мое цядо милоё,
Цядо милоё мое ты, всё любимое,
Ты ведь мла́денькой мой всё Подсоко́льницёк!
Целовал он в уста-то его в саха́рныя,
Он ведь стал-то ёму скоро россказывать:
— Я ведь был-то ходил-то да по синю́ морю,
Замётало-то меня погодушкой великою,
Я тогда подарил перстень твоей ро́дной матушки:
«Какого́ ты родишь, да тому отдай,
Хошь ты сына родишь, быват, ясна сокола,
Хошь ты доцьку родишь, ты красну девицу».
А поехали они тогда во бело́й шатер;
Как на радости пили да трои сутоцьки.
Подсокольницёк-то ведь на ёго зло думаёт,
Зло-то думаёт он, шьтобы зло бы сделати:
— Не послушаю я матушки наказаньиця, —
Ухожу я своёго-то родна батюшка!
Как ведь тут же Илья всё как за́спал жо,
Как крепки́м-то сном за́спал богатырьским же;
Ишше взял Подсокольницёк-от востро́ копье,
Как направил ёму всё в ретиво́ серьцё;
Сохранил ёго господь-от, всё помиловал:
Розлетелось копье-то Ильи-то в белы́ груди;
Ище был-то у ёго на шеи навешан золотой же крест,
Золотой-от ведь крест был во вси груди;
Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилсе,

Он ведь взял Подсокольницька за жолты́ кудри,
Он бросал-то его-то ведь высо́ко же,
Он ведь выше ёго-то лесу стояцёго,
Он пониже всё облака ходе́цёго;
Он ведь тут-то его же не убил вовсё;
Привязал он к своёму к добру́ коню:
— Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
Увези Подсокольницька во свое место,
Щёбы не ездил к нам больше во чисто́ полё,
Во чисто́ к нам полё, щёбы в красён Киев-град;
Не допушшу ёго до матушки славной каменно́й Москвы.
Побежал-поступал-то тут ведь доброй конь,
Прибегал-то к родимой его матушки.
Ён крыцял-то скоро ведь да зысьним голосом:
— Уж ты гой еси, матушка родимая!
Ты родима моя матушка любимая!
Ты отворь-ко мне косисцято окошечко,
Посмотри-тко на своёго цяда милого;
Ты велела ведь мне-ка старому низко кланетьце;
Ише стар-от ведь надо мной как надругалсе-то:
Привязал-то миня взял ко добру́ коню;
Розвяжи ты миня, маменька, скорешенько.
Розвязала она его скорешенько,
Ише стала сама про то выспрашивать:
— Уж ты было ли, цядышко, на святой Руси?
Он ведь взял свое-то всё востро́ копье,
Он ведь матушки-то ударил всё ведь в белу грудь,
Ишше тут ведь она-то скоро́ представилась.
Ише сам-то собака похваляитце:
— Уходил-то тепереце ро́дну матушку,
Как тепереце мне будёт воля вольняя.
Заполоню-ту все я руськия че́рны ка́рабли,
Изберу-ту, изымаю со ка́раблей многи́х людей;
Разышшу-то тогда жа Илью Муромця,
Отсеку я по плець ёму буйну голову.
Как пришло-то об одну по́ру, прикатилосе,
Уж и сотня цернёных-то пришло ка́раблей;
Захватил-то он, вси-то за́брал-то,
Заполонил он народу всего да православного.

Как приходят ёрлычки скоро скорописцяты,
Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
Шьто во матушку приходят в каменну́ Москву:
— Захватил-то Подсокольницёк черны ка́рабли,
Заполонил-то Подсокольницёк людей добрыих,
Да матросицьков он да всих карабельшицьков.
    Как недолго тут Илья, немного он роздумыват,
Он скорехонько-скоро да собираитце,
Он ведь скоро поехал тут к Подсокольницьку,
Он прибил всех со старого до малого,
Он отсек у Подсокольницька буйну голову,
Пригонил вси чернёны-ти свои ка́рабли
Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру.

(Записано А. В. Марковым на Зимнем берегу Белого моря в деревне Нижняя Зимняя Золотица в июне 1899 года от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.)

Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.